

Информация для цитирования:

Красильникова Е. И. Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы) : аспект политики памяти / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 408—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429.

Krasilnikova, E. I. (2024). Historical Past and Historical-Cultural Heritage of Buryats as Reflected in Journal ‘Sibirskie Ognī’ (1920s-1980s): Memory Politics Aspect. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 408-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Историческое прошлое
и историко-культурное
наследие бурят в отражении
журнала «Сибирские огни»
(1920—1980-е годы):
аспект политики памяти**

Красильникова Екатерина Ивановна

orcid.org/0000-0003-0014-0655

WoS ResearcherID: J-5268-2016

ScopusAuthorID 57203591375

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и политологии
katrina97@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке
Новосибирского государственного
технического университета,
проект №ТПП-ИиП-1_24

**Historical Past and
Historical-Cultural Heritage
of Buryats as Reflected
in Journal ‘Sibirskie Ognī’
(1920s-1980s):
Memory Politics Aspect**

Ekaterina I. Krasilnikova

orcid.org/0000-0003-0014-0655

WoS ResearcherID: J-5268-2016

ScopusAuthorID 57203591375

PhD in History, Professor,
Department of History
and Political Science
katrina97@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the financial support
of Novosibirsk State Technical University,
project No. TP-IIP-1_24

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи состоит в характеристике репрезентаций истории и историко-культурного наследия бурят на страницах журнала «Сибирские огни» в период с начала 1920-х до конца 1980-х годов в контексте государственной политики памяти. Методологическим ориентиром исследования послужило проблемное поле «Memory Studies». Сделаны выводы об интенсивной идеологизации исторического прошлого бурят на страницах журнала «Сибирские огни» на всех этапах советского периода, а также игнорирование журналом бурятского наследия, связанного с традициями буддистского Востока. Выявлено шесть этапов репрезентирования. На первом этапе (1920-е) бурятские авторы свободно писали в журнале об истории бурят, высказывали исторические обиды на Россию, добивались признания ценности бурятского историко-культурного наследия. На втором этапе (1930-е) в журнале публиковались только статьи русских авторов о бурятском прошлом в критическом тоне. На третьем этапе (1940—1950-е) «Сибирские огни» печатали статьи с разгромной критикой неугодных версий бурятской истории, представленных в национальной литературе. На четвертом этапе (1960—1970-е) бурятское прошлое совсем не обсуждалось в журнале. На пятом этапе (1980-е) провозглашался расцвет бурятской культуры под влиянием советского руководства. После распада СССР многое было переосмыслено и стало восприниматься как историческая ошибка. Журнал «Сибирские огни» снова стал публиковать статьи о бурятской литературной традиции, эпосе и др.

Ключевые слова:

политика памяти; историческая память; историко-культурное наследие; идеология; буряты; *Сибирские огни*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to characterize representations of the history and historical-cultural heritage of the Buryats in the pages of the *Sibirskie Ogn*i journal from the early 1920s to the late 1980s in the context of state memory politics. The methodological framework of the study was the field of “Memory Studies.” Conclusions were drawn about the intense ideologization of the historical past of the Buryats on the pages of the *Sibirskie Ogn*i journal at all stages of the Soviet period, as well as the journal's disregard for Buryat heritage associated with the traditions of Buddhist East. Six stages of representation were identified. In the first stage (1920s), Buryat authors freely wrote in the journal about Buryat history, expressed historical grievances against Russia, and sought recognition of the value of Buryat historical-cultural heritage. In the second stage (1930s), only articles by Russian authors about Buryat history in a critical tone were published in the journal. In the third stage (1940s-1950s), *Sibirskie Ogn*i journal printed articles with crushing criticism of inconvenient versions of Buryat history presented in national literature. In the fourth stage (1960s-1970s), Buryat history was not discussed at all in the journal. In the fifth stage (1980s), a flourishing of Buryat culture was proclaimed under the influence of Soviet leadership. After the collapse of the USSR, much was rethought and perceived as a historical mistake. The *Sibirskie Ogn*i journal began publishing articles again on Buryat literary traditions, epic poetry, etc.

Key words:

memory politics; historical memory; historical-cultural heritage; ideology; Buryats; *Sibirskie Ogn*i.

УДК 94(47).084.3/.6+94(571.56)“192/198”:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы): аспект политики памяти

© Красильникова Е. И., 2024

1. Введение = Introduction

Исследования политики памяти можно признать одним из трендов развития современного социально-гуманитарного знания, в том числе и исторического. Концептуализация политики памяти и вхождение этого понятия в широкий обиход состоялись в современности, хотя фактически политика памяти более или менее осознанно и последовательно конструировалась и в прошлом. Каналы трансляции политики памяти были и остаются разнообразными и многочисленными. Их львиная доля представлена СМИ, которые не только воспроизводят и тиражируют актуальные политические лозунги, но также интерпретируют и разъясняют обществу смыслы политики памяти, государственной и не только. В советское время ведущими медиаторами политики памяти выступали печатные издания, тем более до широкого распространения радио и телевидения, особенно в наиболее отдаленных от столицы районах страны. Именно поэтому заслуживает особенного исследовательского внимания коммуникативная роль ведущих журнальных изданий страны в формировании исторической памяти советского общества, в том числе ее региональной и этнической составляющих. В советское время в решении задач государственной политики памяти активно участвовал непрерывно издававшийся, многотиражный журнал «Сибирские огни», регулярно обращавшийся к истории и проблемам культурного наследия народов Сибири, в том числе и бурятского народа.

По мере своего укрепления советская власть все строже контролировала деятельность литераторов и журналистов, видя в ней значительный идеологический ресурс, использовавшийся властью для собственной легитимации и конструирования социальных идентичностей. Авторы журналов, интегрированные в государственную политико-идеологическую систему, должны были участвовать в создании и продвижении однотипных нарративов исторического развития народов СССР. Однако применение идеологизированных шаблонов к конструированию литературными средствами

памяти о прошлом народов Сибири в реальности осложнялось разнообразием регионов, народов и их национальных историй, которые трудно было уложить в одну нарративную схему. Анализ специфики репрезентаций исторического прошлого различных народов Сибири в региональной журнальной периодике раскрывает это разнообразие, хорошо заметное даже после обработки жесткой гребенкой советской идеологии. Выявление нарративных схем, порожденных диктатом государственной политики памяти, позволяет обнаружить и латентные болевые точки исторической памяти народов, которые советская власть старалась максимально интегрировать в общесоветское культурное пространство, основанное прежде всего на русской культуре. Изучение советского опыта идеологизации отдельных национальных историй представляется нам чрезвычайно важным в свете современности, когда российское государство актуализировало необходимость формирования новой идеологии, цивилизационного самоопределения России и ценностных ориентиров многонационального российского общества, утверждение которых осуществимо лишь на фундаменте исторической памяти, воздействие на которую требует глубокой осведомленности о ее специфике и деликатного отношения.

Наша попытка проследить влияние политики памяти на деятельность популярного советского литературного журнала отличается новизной. Работы по истории политики памяти в советское время вообще до сих пор немногочисленны [Сидорчук, 2020], особенно на востоке страны [Красильникова и др., 2023; Тишкина и др., 2023]. При этом необходимо отметить имеющиеся успехи в изучении регионального измерения политики памяти в современной России. Выявлен и обобщен тематический репертуар политики памяти и вопросы взаимоотношения ее федеральных и местных акторов [Политика памяти ..., 2023]. Но, влияние политики памяти на региональную периодику, а также влияние периодики на коллективную память жителей регионов остается изученным слабо, особенно применительно к советскому периоду. Систематически изучалась лишь роль дореволюционной периодики в формировании представлений российского общества о Сибири [Родигина, 2006] и ее народах [Сенина, 2005; Ледовских, 2009], прошлое которых в репрезентациях периодических исследований затрагивалось, но не исследовалось специально.

Социально-политические, культурные и хозяйственные контексты репрезентаций исторического прошлого бурят на страницах «Сибирских огней» выявляются нами в опоре на современные обобщающие труды по истории республики Бурятия в XX веке [История Бурятии ..., 2011; Елаев, 2023], работы, специально раскрывающие вопросы социокультурного развития бурят в советское время [Амгаланова, 2018; Балдано, 2014; Бороно-

ва и др., 2012; Дроботушенко, 2021; Номогоева, 2011а, 2011б; Трегубова, 2017] и публикации по истории бурятской литературы [Очерк ..., 1959].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель предлагаемой статьи состоит в характеристике репрезентаций истории и культурного наследия бурят на страницах «Сибирских огней» в 1920—1980-е годы в контексте государственной политики памяти. В задачи исследования входит выявление контекстов, определявших специфику создания журнальных репрезентаций истории Бурятии, и установление этапов этого репрезентирования, в рамках которых происходили изменения смыслов политики памяти и ее приемов.

История политики памяти изучается нами в ориентире на проблемное поле «Memory Studies» [Репина, 2016] с применением историко-генетического, историко-сравнительного методов и элементов дискурсивного анализа.

Основными источниками данного исследования послужили девятнадцать публикаций журнала «Сибирские огни» за 1920—1980-е годы, тематически связанных с историческим прошлым бурят (публицистика, литературная критика и рецензии на литературные произведения, поэзия). Их авторами были как русские, так и бурятские литераторы, писавшие и на русском, и на родном языке. Произведения последних печатались в журнале в переводе на русский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты политики памяти

В начале 1920-х годов контуры государственной политики памяти еще четко не определились. Однозначным условием публичных высказываний о «царском времени» и периоде господства «контрреволюционных правительств» была дискредитация прежних властей и контрастная ей героизация борцов за свободу, прежде всего большевиков. Открывшейся возможностью критиковать уже павшую в России государственную власть пользовались представители национальных интеллигенций, чьи высказывания в открытой печати отражали то, что сегодня обычно называют «коллективными историческими травмами». Претензии к царю и прочим угнетателям смело экстраполировались вообще на русских, позитивная роль которых в разностороннем развитии отдельных народов могла вовсе не упоминаться. В более мягком варианте говорилось о незаслуженном игнорировании ценности традиционных национальных культур и о необходимости признания этой ценности в свете ее общечеловеческого значения. Возможность открыто воспевать национально-региональное своеобразие «освобожденных народов» мыслилась как значительное революционное

достижение. Его сущность виделась в долгожданной реализации принципа справедливости для всех жителей многонациональной страны.

Государственная политика памяти следующего десятилетия отличалась радикализмом. В условиях культурной революции 1930-х годов стала отрицаться ценность многообразных традиционных культур, которым противопоставлялась универсалистская социалистическая культура. Замещение ею решительно отвергавшихся «устаревших» традиционных устоев представлялось жизненно важным. Широко пропагандировалась мысль о тупиковости исторического развития на основе традиционалистской парадигмы. Предполагалось, что в прошлое должны уйти прежние социально-экономические порядки, религия и быт. Борьба за социализм «в атмосфере растущей классовой непримиримости» означала, кроме прочего, обострение репрессивной политики государства против «старых» элит этно-национальных сообществ. Как следствие, печать стала выставять классовых врагов трудового народа — баев, нойонов, лам, шаманов (в бурятской версии) — вредоносными консерваторами всего комплекса этно-национальных традиций, эксплуататорскую суть которых должна была разоблачать советская литература. Началось и «разоблачение» «буржуазно-националистической» сущности элит интеллектуальных, чья культурно-просветительская деятельность, направленная на пробуждение национального самосознания в целях включения малых народов в борьбу, прежде всего, за свои политические права, воспринималась как откровенное проявление центробежной силы в рамках реализации общенациональной задачи строительства централизованного государства. В 1934 году многие выдающиеся представители бурятской национальной интеллигенции были обвинены в «панмонголизме», характеризовавшемся понятиями консервативной реакции и право-оппортунистического уклона, за чем последовали репрессии, в ходе которых пострадало и двенадцать писателей [Амгаланова, 2018, с. 6]. Кампания по борьбе с «панмонголизмом» была также обусловлена внешнеполитическими задачами большевиков, отказавшихся от идеи мировой революции и решивших «переориентировать» Бурят-Монголию с буддистского востока на Россию. Культурная близость бурят Тибету в 1930-х годах воспринималась как потенциальная угроза целостности советского государства. Поэтому даже бурятский язык власти перевели на кириллицу [Трегубова, 2017, с. 191—192].

Однако культурная революция щадила от разрушения устное народное творчество, точнее, ту его часть, которая воспринималась как выражение «вековых чаяний» обездоленных слоев населения — «жертв эксплуатации». Считалось, что тема классовой борьбы является для фольклора разных народов исконной, и в универсальности этой тематики отражается единство

угнетенных народных масс. Этим объясняется рост интереса к фольклору, в частности к героическому эпосу, славившему героев-освободителей, поднявшихся из бедноты. В культуре трудового народа, которая приравнивалась к народной культуре, виделся потенциал для ее дальнейшего развития в культуру социалистическую, интернациональную. Предполагалось, что советская культура воспримет наследие множества народов страны Советов. Поэтому со второй половины 1930-х годов интенсифицировалась работа фольклористов над записью эпоса от сказителей. Унификация эпоса представлялась одной из важных задач в рамках нациестроительства, а перевод эпоса в форму письменного текста делал эпос достоянием современной культуры [Балдано, 2014, с. 32]. С 1948 по 1951 годы республиканское партийное руководство активно навязывало сообществу литераторов оценки бурятского эпоса «Гэсэр» как «военно-феодального», «нойонатско-аристократического» и «антирусского». По мнению современного бурятского историка М. Н. Балдано, эти нападки были обусловлены как политикой центральных властей, настроившихся резко против эпических традиций многих народов одновременно, так и внутриреспубликанскими политическим противоречиями, связанными с борьбой за власть. Во всяком случае, после смены руководства республики, уже в 1951 году был вновь официально признан народный характер «Гэсэра» и отменена его прежняя негативная оценка. Издание литературной версии эпоса состоялось только в 1953 году. С героического эпоса народов СССР снимались всевозможные обвинения, но это не означало автоматической постановки исторически сложившихся культурных традиций этих народов на одну ступень с культурой русской.

1950-е годы ознаменовались небывалым до сих пор превознесением русского народа, благодаря которому, как повсеместно вещала пропаганда, другие народы преодолели «грань вымирания» и вышли на совершенно новый, «светлый», то есть прогрессивный этап социально-экономического и культурного развития. Политика памяти 1930-х—1950-х годов дала свои плоды, сформировав поколенческий разрыв. Молодежь оказалась практически оторванной от традиционной культуры, о которой узнавала скорее из политизированных советских книг, нежели из личного опыта инкультурации в условиях еще живых этнических традиций. Строгость прежней риторики, использовавшейся для дискредитации исторического прошлого, сделалась избыточной. Поэтому, к примеру, в сказках теперь акцентировалась не классовая борьба, а их морально-этическое значение [Воскобойников, 1964]. В целом же дореволюционное прошлое по-прежнему обобщалось и очернялось в противопоставление настоящему, мыслившемуся как уже сбывшаяся «вековая мечта» народа о счастье и справедливости. Интерес же к своеобразию различных национальных культур был в это время притуплен. Даже

в 1980-х официальный взгляд на историю отдельных национальных районов Сибири оставался неизменным. Однако параллельно, на фоне общего ослабления вертикали власти и государственной идеологии, в среде интеллигенции возрос интерес к традиционной культуре, в частности к эпосу, на который появилась возможность взглянуть словно новыми глазами, отказавшись от фактически устаревших морально идеологических оценок прошлого и задуматься о духовных смыслах эпической истории.

3.2. Репрезентации 1920-х: большие ожидания от смены эпох

В начале 1920-х годов на страницах «Сибирских огней» еще могли публиковать свои произведения представители «старой» интеллигенции — писатели, краеведы, этнографы, фольклористы, порой высказывавшие полярные точки зрения в отношении ценностных ориентиров общества в прошлом и настоящем. Эта особенность была присуща и национальным литературам. Так, «бурятский литературный дискурс начала 1920-х годов развивался в условиях дихотомии — сочетания национального и революционного» [Номогоева, 2011б, с. 68].

В отношении авторов «Сибирских огней» к историческому прошлому Сибири в целом и ее отдельных национальных районов в частности обнаруживает себя общее оптимистичное ожидание. Авторы, писавшие на бурятскую тему, радовались освобождению от цензурных ограничений царских времен и открывшейся возможности изучать и описывать прошлое иначе, чем при старом режиме. Ключевыми, шаблонными характеристиками в журнальных описаниях «царских времен» изначально и надолго стали «нищета» и «вымирание» бурят, якобы влачивших жалкое состояние под гнетом феодалов и царских чиновников, как, впрочем, и другие народы Сибири. Корни этой общей мысли стоит искать в марксистской журнальной публицистике второй половины XIX века. Опираясь на исследования историков публицистики [Матханова, 2022, с. 86], можно заключить, что авторы 1920-х годов воспроизводили взгляд своих предшественников на судьбу «инородцев», однако «новая эпоха» побуждала их говорить о «вымирании» уже как о прошлом, оставшемся, к счастью, позади. Вопрос же о том, какие именно возможности дала советская власть для изучения и репрезентаций в публичном пространстве прошлого бурят, решался авторами ранних «Сибирских огней» по-разному.

Так, Туя Солбонэ (П. М. Дамбинов) — бурятский поэт и общественно-политический деятель, впоследствии обвиненный в «панмонголизме» и расстрелянный, спешил рассказать читателям о красоте древнего эпоса, народных поэм «Алтан-Шагай», «Мыргэн», «Шоно-Батор», шаманских песнях и заклинаниях, прежде незамеченных русскоязычной аудиторией [Солбонэ, 1923, с. 246]. Кратко пересказав основное содержание «известного только

некоторым востоковедам» эпоса «Гэсэр», поэт интерпретировал его смысл как выражение универсальных ценностей правды, справедливости, добра и красоты. Социальный смысл шаманской поэзии он представил как «скорбь и горечь того, кто обратился к за помощью к небесным богам через шамана». Народное творчество «складывалось на историческом фоне побед и поражений, подъема и падения, радости и скорби бурят-монгольского народа», но народная литература все-таки, в понимании Солбонэ, имеет «общечеловеческое значение». Именно универсальные смыслы, стоящие над социальными, более всего привлекали поэта, очарованного также непроходящей красотой древнего стиха и призывавшего успеть запечатлеть исчезающие «жемчужины азиатской поэзии» [Там же, с. 248].

Иная версия «другого» письма о прошлом бурят выражена в фактически анонимной разоблачительной статье «Насильственное крещение бурят» [Ква, 1927]. Все «движение русских на восток» характеризуется в статье как «движение торгового капитала», вредоносность которого признавалась до революции авторами либеральных и народнических изданий [Матханова и др., 1922, с. 85], а промышленные люди, поддержанные царем, служилые люди и «голодные волжские крестьяне» — как «типичные искатели наживы», «вытеснявшие бурят», «грабежом и насилием добывавшие у туземцев богатства». Автор винил «русскую цивилизацию» в эксплуатации, грабеже, заражении сифилисом и оспой бурят, наконец, в их вырождении и вымирании. Но буряты в этой истории не безвольны, хотя и безуспешны в борьбе с врагами: сообщается, что в 1696 году Иркутск выдержал осаду бурят, выступивших против ясака. Винит автор русских и в насильственной русификации бурятского населения через принудительные крещения (их критиковали также авторы марксистского и областнического толка до революции), за которыми стояла экономическая выгода, а вовсе не духовные мотивы.

Одновременно со второй половины 1920-х годов «Сибирские огни» начали представлять формально-официозный, просоветский и пророссийский взгляд на историю бурят. Впервые это выразилось в заметке о достижениях республики, опубликованной в 1927 году [Достижения ..., 1927]. Собственно прошлое края не описывалось. Однако перечисление достижений указывало на то, чего у бурят не было без советской власти: прежде всего «права на автономное существование» и возможности самостоятельного созидать свою государственность. Современность же связывалась с решением этих проблем.

3.3. Репрезентации 1930-х: привязанность к прошлому как отсталость

С конца 1920-х годов журнал представлял внешний взгляд на территорию, исконно населенную бурятами, с точки зрения нового этапа ее хозяй-

ственного освоения и социально-культурного преобразования на советский манер. Таковы очерки, основанные на путевых заметках путешественников, с экономическими целями разведывавших край. Их авторы опять-таки воспроизводили дореволюционное отношение русских публицистов к «иногородцам», подчеркивая их «отсталость» в сравнении с русскими, даже обвиняя в этой отсталости, но одновременно доказывая их потребность в заботе русских [Матханова и др., 2022, с. 86]. В очерке Е. Титова о путешествии в Северную Даурию своеобразие края раскрывается автором через пестрые внешние впечатления, попутные разговоры с местными жителями и беглое знакомство с историей отдельных мест. В глазах автора, посещенная им земля, населенная коренными народами, потому и остается окраиной, что живет она преимущественно старыми порядками, а ее обитатели все еще сохраняют много сходства со своими дореволюционными предками, хотя новая советская эпоха, пусть не во всем, но заставляет их меняться. И это, по мнению автора, — к лучшему. Так, нет уже старых байкальских «горлохватов омулятников», беспардонно наживавшихся на рыбной ловле, но жители побережья не перестали думать о выгоде: «Байкал воспитывает» [Титов, 1927, с. 183—184]. При советской власти «житье» русских рыбаков сравнялось «со старым еврейским житьем», а «бурят еще только достигает прежнего русского». Автор снисходительно воспроизводит услышанные на Байкале пересуды: «Бурят на революции выиграл больше всех: он ничего не делал и все получил»; «Над бурятской автономией подсмеиваются, великодушно прощая ее дефицитность» [Там же, с. 184].

Еще критичнее взгляд на прошлое бурят и его «пережитки» выразил в своем очерке ветеринар В. Васильев, посетивший «полудикий» остров Ольхон. Автор описал вереницу типажей и характеров (преимущественно неприятных), встреченных по пути. Все они в его понимании сложились исторически под воздействием каторги, сектанства и шаманизма. Ольхон, населенный бурятами и потомками «ясашных людей», выглядит особенно жалко: жители острова скудно питаются, страдают проказой, сифилисом, туберкулезом и постепенно вымирают. Вихрь революции, докатившийся до Ольхона, «сломал крест на церкви, выстроенной для обращения бурят в православие» и «утешения каторжан» [Васильев, 1931, с. 73]. Однако обновление отсталого края, погрязшего в таежных суевериях, так и не случилось. Между тем В. Васильев заявляет о жизненной необходимости преодоления этого ветхого состояния.

Более поверхностный и беглый взгляд на территорию, исконно населенную бурятами, представлен в очерках инженера Б. Жеребцова — участника экспедиции, обследовавшей местность, где планировалась глобальная стройка — Ангарская ГЭС [Жеребцов, 1931, 1931б]. Местное коренное

население названо им «аборигенами» без уточнения их этничности. Сообщается лишь то, что степи, которые населяют аборигены, издавна были «плацдармом скотоводчества» [Жеребцов, 1931а, с. 61], теперь же их ждет иное будущее, связанное с приходом цивилизации.

3.4. 1940—1950-е: народ, спасенный от вымирания дружбой с рабочим классом великого русского народа

В «Сибирских огнях» долгое время практически не публиковали произведения бурятских писателей и поэтов, а обзор бурятской национальной литературы в прошлом и настоящем был предложен лишь в 1947 году писателем и литературоведом Л. М. Коптеловым [Коптелов, 1947]. Он отметил большую работу бурятских филологов и литераторов над сбором, переводом на русский и публикацией бурятских сказок, а также труд писателя Н. Г. Балдано над составлением сводного текста эпоса «Гэсэр». Ориентируясь на мнение А. М. Горького, Коптелов характеризовал работу по сбору и описанию бурятского фольклора как «большую и нужную» [Там же, с. 118]. В отношении художественной литературы Коптелову пришлось сказать, что лучшие произведения бурятских авторов не переведены на русский язык, а значит, и почти неизвестны в СССР. Им сообщалось, что до революции буряты пользовались монгольским алфавитом. По версии Коптелова, в тот период бурятские авторы не создали значительных произведений, но уже в первых пьесах, написанных после 1905 года Д. А. Абошеевым и И. В. Барлуковым, прослеживался мотив протеста против национального угнетения. Излагая дальнейшую историю бурятской литературы, Коптелов ориентировался на общую схему, применявшуюся в эти годы к истории национальных литератур, согласно которой до революции государственная власть не считала народы Сибири за людей, «у них не было прав кроме одного — права постепенно вымирать» [Там же, с. 120]. В настоящем же, как заявлял автор очерка, все эти народы участвуют в строительстве нового справедливого мира. Советская литература, создаваемая этими народами, дает возможность проследить «всю историю классовой борьбы в нашей стране», трудный и славный путь от «полудикости и самой настоящей дикости к вершинам культурной жизни, к социализму» [Там же, с. 121].

Эта схема была проиллюстрирована рядом примеров писательских биографий, прежде всего Х. Н. Намсораева, познавшего в детстве все тяготы бедняцкой жизни, «от сведущих людей перенявшего монгольскую грамоту», ставшего учителем, революционером, партийным работником, наконец, депутатом Верховного Совета СССР [Там же, с. 122]. Такая биографическая схема была абсолютно типична для «Сибирских огней», где многократно публиковались материалы о советских писателях — представителях коренных народов Сибири.

Признавая важность исторической тематики, доминировавшей, по его словам, в бурятской (бурят-монгольской) литературе, Л. М. Коптелов подчеркивал «чрезмерную увлеченность авторов этой тематикой», приводившую к «идеализации жизни царей, ханов, вельмож», интересы которых, якобы, выдавались некоторыми авторами за народные [Там же, с. 125]. Эта статья Коптелова отразила драматичные события, связанные с начавшимися гонениями на писателей, в частности, на П. И. Малакшинова и Ч. Ц. Цыдендамбаева. Прочим же бурятским писателям вменялось бездействие — отсутствие сколько-нибудь значимых произведений, слабое и поверхностное отражение современности [Там же, с. 135].

В последующие годы «Сибирские огни» периодически предлагали читателям критические обзоры творчества бурятских писателей, произведения которых в журнале не публиковались. Фактически признанным живым классиком считался Х. Н. Намсараев, «отдавший свой талант народу, партии и великому Сталину», участвовавший в «разоблачении носителей буржуазно-националистической идеологии» [Галсанов, 1949]. Его биография неоднократно воспроизводилась авторами журнала. Однако в более поздних вариантах к стандартному описанию дореволюционных исторических контекстов этой биографии («грань вымирания», голод и холод, гнет и рабство, поголовная безграмотность и социальные болезни) добавилось заявление о том, что до революции у бурят (бурят-монгол) «не было своей письменности и литературы», было лишь устное народное творчество [Галсанов, 1949, с. 146; Романенко, 1954, с. 169]. В статье Д. Романенко, говорилось, что Х. Н. Намсараева в детстве научил читать и писать грамотный сосед, но умалчивалось, что читал и писал он на старо-монгольском [Романенко, 1954, с. 169].

В 1949 году был наконец представлен читателям в кратком пересказе «значительный» бурят-монгольский роман Х. Н. Намсараева «Цыремпил» о дореволюционном этапе борьбы народа за свободу и честь. В пересказе сообщалось, что герой, который с детских лет много страдал, восстает против веками сложившихся общественных устоев и дедовских традиций. Это приводит его на путь революции. Свободу же он обретает только благодаря непосредственной помощи «великого русского народа», прежде всего его рабочего класса. Одновременно сообщалось о «разоблачении» эпоса «Гэсэр» и о приверженности Намсараева стороне разоблачителей [Галсанов, 1949, с. 146—147]. Усиление акцента на роли русского народа в историческом развитии бурят хорошо заметно и на примерах стихов Ж. Т. Тумунова, публиковавшихся в «Сибирских огнях» в переводе поэта А. С. Ольхона (Пестюхина). Показательны в этом смысле строки: «Русский памятник — холм над пустыней стал монгольской народной святы-

ней» (о памятнике советским воинам, павшим в бою у реки Халхин-Гол) [Тумунов, 1948, с. 86].

В 1959 году в связи с кончиной Х. Н. Намсараева «Сибирские огни» кратко написали еще об одном его историческом романе — «На утренней заре». Суть произведения характеризовалась как отображение тяжелой жизни кочевников в старое время, их борьбы за счастье и дружбы с «великим русским народом». Некролог также подчеркивал значительное влияние, оказанное на творчество Намсараева русской литературой. А наиболее значительным достижением бурят, ставшим возможным только благодаря русским, «Сибирские огни» называли обретение этим народом государственности в форме национальной республики и равноправия «в семье народов СССР» [Хоца Намсараев ..., 1959].

Другим неоднократно отмеченным «Сибирскими огнями» бурятским автором, работавшим с темой национального прошлого, был А. А. Тороев — слепой импровизатор, «крупнейший представитель устного народного творчества», знаток народных улигеров, а также сочинитель поэм о Ленине, Сталине, Великой Отечественной войне, о новой Бурят-Монголии [Романенко, 1954, с. 169]. Его сочинения, стилизованные под традиционные улигеры, представляли максимально контрастную и наивно-схематичную картину социальных противоречий «в давние худые времена», а также героическое освобождение Лениным и Сталиным, представленными в образах былинных богатырей, исстрадавшегося трудового народа от гнета «жирных ханов с нойонами» [Тороев, 1948, с. 3].

Среди прочих бурятских авторов, продолжавших в 1950-х годах писать прозу на исторические темы, литературный критик «Сибирских огней» Д. Романенко называл Ж. Т. Тумунова, автора романа «Степь проснулась», посвященного гражданской войне в Забайкалье. В пересказе Романенко роман раскрывал тему роста и развития революционных сил и идею пробуждения классового сознания у бурят. Давая положительную оценку произведению, Романенко критиковал его за то, что «ход борьбы за Забайкалье показан несколько изолированно от общих операций в Красной армии и Народно-революционной армии», а роль компартии в руководстве партизанским движением с его начала не подчеркивалась [Романенко, 1954, с. 170]. Указывалось и на Ч. Ц. Цидендамбаева — автора романа «Доржи, сын Банзара» о детстве и юности первого бурятского ученого Доржи Банзарова. Основные смыслы содержания этого произведения были описаны как представление жизни героя на широком социальном фоне: сближения царской верхушки с представителями царской власти с целью обуздания народных масс и одновременного сближения русских и бурятских бедняков на фоне общей борьбы против царизма и против классового угнетения [Там же, с. 171—172].

Убийственная литературная критика второй половины 1950-х годов признавала активность бурятских драматургов, писавших пьесы на исторические темы, но одновременно обвиняла бурятских литераторов в неумении «разделять прогрессивное и реакционное» [Там же, с. 176]. Сами же критики старались успевать за последними идеологическими трендами, в частности, быстро реагируя на все этапы коллизии с «Гэсэром». Учитывая изменчивый и жестокий характер критики этого периода, не приходится удивляться малочисленности исторических произведений на бурятском языке. Писатели пасовали не только перед историческим сюжетами, в интерпретации которых было легко ошибиться, но и перед самим бурятским литературным языком. Доходило до того, что они писали на русском и просили помощи переводчиков, чтобы переложить произведения на бурятский [Там же, с. 177—178]. Это было связано с языковой политикой в Бурятии, со стремлением властей оторвать регион от традиций буддистского Востока и сблизить с Россией. Переход со старо-монгольской письменности на латиницу, а потом и на кириллицу привел к тому, что на бурятском вообще мало кто умел грамотно писать [Трегубова, 2017, с. 193]. Энтузиазму в изучении национального языка и в литературном творчестве на бурятском, несомненно, мешал опыт «разоблачения» «панмонголистов» и «буржуазных националистов», пытавшихся сохранить и популяризировать культурное наследие предков, связанное с традициями буддистского Востока. Дефицит на произведения бурятских авторов можно объяснить и изданием с 1947 года литературного журнала «Байкал», который «переманивал» авторов у «Сибирских огней».

Идеологические установки входили в диссонанс с жизненной практикой. Теоретики от советской литературы вещали о том, что «социалистическую культуру нельзя отрывать от старой национальной культуры, что создание новой культуры происходит не путем ликвидации старой культуры, а путем постепенного ее развития» [Романенко, 1954, с. 177], реально же формировался явный разрыв между старым и новым. Это замечали, в частности, фольклористы. Так, Н. О. Шаракшинова отмечала, что носителями сказок в улусах остаются представители старшего поколения, а дети узнают сказки уже на уроках литературы. Этот факт отказывался замечать автор рецензии на книгу Шаракшиновой — фольклорист Р. А. Шерхунаев, посчитавший, что в этой работе не хватает упоминания о среднем поколении, которое в теории должно было знать сказки [Шерхунаев, с. 191]. На наш же взгляд, скорее права была Н. О. Шаракшинова, фактически показавшая умирание традиции и культурный разрыв между поколениями.

Согласно современной историографии, в Бурятии 1950—1960-х годов, хотя и не существовало развитой инфраструктуры, необходимой для от-

правления буддистского религиозного культа, буряты в массе оставались довольно религиозными людьми [Добротушенко, 2021, с. 96.]. Но, на рубеже 1950-х и 1960-х годов ужесточилась религиозная политика государства. [Боронова и др., 2012, с. 139]. Против сохранения религиозности должна была нацеливаться и советская литература. В этом смысле как значимое событие «Сибирские огни» преподнесли выход исторического романа Д. О. Батожабая «Похищенное счастье» [Белоусов, 1960]. Но о нем журнал лишь информировал в рецензии. Роман характеризовался как «огромное эпическое полотно». Согласно рецензии, он отражал постепенный процесс социалистического пробуждения бурятских трудящихся в период с конца 1880-х годов до революции 1917 года. Стандартный соцреалистический сюжет о страданиях «темного» народа, угнетенного богачами, нойонами и ламами, развивался в историю империалистического владычества да-лай-ламы над массами верующих, «одурченных религией». В итоге роман превращался в «страстное, художественно-убедительное разоблачение буддизма» [Там же, с. 188].

3.5. 1980-е: славный путь к процветанию пройден vs остатки наследия раскрывают другое прошлое знакомого народа

Бурятская тема возникла снова в «Сибирских огнях» лишь в первой половине 1980-х годов. В связи с юбилеем республики была представлена длинная официозная статья секретаря Бурятского обкома КПСС А. А. Бадиева, содержащая исторический обзор ее достижений [Бадиев, 1983]. Как и следовало в таких случаях, автор заявлял, что Бурятия за шестьдесят лет прошла исторический путь, равный по своей значимости целым векам. Дальнейшее содержание статьи состояло из идеологических тезисов, местами проиллюстрированных статистическими данными, характеризующими социальное и экономическое развитие Бурятской АССР. По-прежнему воспроизводились универсальные для республиканского нарратива постулаты о прогрессивном влиянии на Бурятию России, начиная с XVII века, а также о неизменной крепкой дружбе трудового большинства обоих народов. Именно это сближение, обусловленное общностью исторической судьбы, помогло бурятам сбросить тяжелые оковы колониального гнета царизма и осуществить рывок, достигнув подлинного расцвета после Великой Отечественной войны.

Параллельно «Сибирские огни» вновь обратились к национальному эпосу бурят. В 1981 году было опубликовано героическое сказание «Алтан-Шагай» в поэтическом переводе А. В. Преловского. В предисловии сообщалось о том, что это произведение, родственное «Гэсэру», было записано А. К. Богдановым на острове Ольхон от рыбака Б. Мосоева в 1929 году. Но лишь теперь «Сибирские огни» назвали эпос «сокровеннейшей па-

мью народа» [Алтан-Шагай, 1981a, с. 32]. Сам же народ, казалось бы, давно знакомый, раскрывался в эпосе, по заверению переводчика, «с другой стороны». Осторожно написанное Преловским предисловие готовило читателя к восприятию эпической истории, которая «в первой части несет отражение древних родоплеменных отношений, а во второй выходит на общечеловеческие гуманистические позиции, проповедуя добро, мир, единство и счастье людей». Уже не акцентируя тему классовой борьбы, автор предисловия интерпретировал смысл подвигов героя как «привнесение своему народу благоденствия» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

В советское время «Сибирские огни» активно участвовали в реализации государственной политики памяти, которая в случае с рассмотренным кейсом, тесно сплеталась с национальной политикой и конструированием национальных социалистических литератур. «Сибирские огни» не только представляли эти литературы читателям, но и брали на себя ответственность сурово судить их с позиции официальной идеологии. Суду подвергалось и национальное историко-культурное наследие. Авторы журнала также судили субъект истории — сами народы. Однако степень жесткости идеологического мерила таких оценок колебалась на разных этапах. С виду твердо уверенные в своей правоте литературные критики реально балансировали на острие ножа, стараясь соответствовать новейшим трендам государственной политики памяти.

На первом этапе, в 1920-х годах бурятские авторы, публиковавшие в «Сибирских огнях», сравнительно свободно обращались к прошлому своего народа. Революционность исторического момента воспринималась ими как возможность свободно высказывать исторические обиды на Россию и русских, но одновременно добиваться и признания ценности бурятского историко-культурного наследия (эпос, поэзия). Эти авторы фактически воспроизводили идеи, оформившиеся в русской журналистике еще до революции. При этом по идеологическим причинам «Сибирские огни» не уделили в 1920-х годах внимания существованию у бурят до 1917 года своей национальной литературы, получившей развитие в 1920-х—1930-х годах. На втором этапе 1930-х годов журнал игнорировал взгляд на прошлое бурят глазами представителей самого этого народа. О бурятском прошлом вскользь, неизменно в критическом тоне, пренебрежительно, с применением однотипных оценок писали исключительно русские специалисты.

На третьем этапе 1940—1950-х годов «Сибирские огни» принимали участие в разгромной критике «извращенных» версий бурятской истории, представленных в соответствующей национальной литературе. Журнал за-

нимался насаждением единообразного исторического нарратива, а также утверждением пантеона признанных бурятских литераторов. Однако выходило, что таковых оставалось немного. Те, кого не коснулись гонения, снизили творческую активность. Бурятскую прозу на исторические темы в «Сибирских огнях» не печатали, лишь иногда пересказывая некоторые произведения в обзорах. Читателю оставалось лишь доверять словам литературных критиков, не имея никаких возможностей составить собственное представление о бурятской исторической прозе. Не писали на этом этапе в «Сибирских огнях» и об успехах хозяйственного освоения края, которые выглядели тускло в сравнении, к примеру, с успехами освоения Якутии. Соответственно, потерял актуальность внешний взгляд на Бурятию и ее историю. В итоге в печати формировался невзрачный, невнятный и шаблонный образ исторического прошлого бурят. На четвертом этапе 1960—1970-х годов бурятское прошлое совсем исчезло со страниц журнала.

Между тем, если доверять последней публикации советского времени, Бурятия за эти два десятилетия достигла чуть ли не райского процветания. Этот оптимистический и очень официозный очерк отразил то, что в 1980-х, на пятом этапе, воспринималось еще как благо — резкий отрыв от традиционной культуры и существовавшего фактически до расправы с «буржуазными националистами» историко-культурного наследия. Однако после распада СССР и краха коммунистической мечты это было переосмыслено и стало восприниматься как большая историческая ошибка. Предвестником такого осознания можно признать новое обращение «Сибирских огней» к бурятскому эпосу. В условиях болезненной для общества модернизации национальные интеллигенции возвращались к прошлому культурному опыту, видя в этом возможность восстановить традиционные культурные программы, мыслившие как путь оздоровления общества и выхода из кризиса. В Бурятии была предпринята попытка «изобретения» реально уничтоженной традиции, ее реинкарнации в форме, фактически чуждой традициям, — в книжно-литературной, да еще и на языке, далеком от уже забытого оригинала. Власти же осуществляли всесоюзную программу, нацеленную на соединение множества традиций и наследий, несколько десятилетий подвергавшихся идеологизации, в глобальное, всесоюзное, универсальное целое. Цементом должна была служить марксистская догматика — идея о классовой борьбе как о главном смысле всякого устного народного творчества, прочность которой к этому времени уже ослабла. Переводчики и редакторы поэтизировали древность и выдавали свое желание представлять эпос, который они фактически конструировали, в большей степени как особенное, а не как типичное историко-культурное явление. Настоящее же литературное и вообще историко-культурное

наследие бурят, отражавшее взгляды национальной интеллигенции на прошлое этого народа, оказалось скрытым от читательской аудитории «Сибирских огней» на протяжении всего советского времени.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Алтан-Шагай*. Бурятское героическое сказание / перевод В. Преловского // Сибирские огни. — 1981а. — № 3. — С. 31—45.
2. *Алтан-Шагай*. Бурятское героическое сказание / перевод В. Преловского // Сибирские огни. — 1981б. — № 4. — С. 99—110.
3. *Бадиев А. А.* В братской семье советских народов / А. А. Бадиев // Сибирские огни. — 1983. — № 5. — С. 3—19.
4. *Белоусов А.* Новый бурятский роман / А. Белоусов // Сибирские огни. — 1960. — № 1. — С. 187—189.
5. *Васильев В.* Дорога на Ольхон / В. Васильев // Сибирские огни. — 1931. — № 2—3. — С. 59—74.
6. *Воскобойников М.* «Бурятская сатирическая сказка» [рецензия] / М. Воскобойников // Сибирские огни. — 1964. — № 2. — С. 191—192.
7. *Галсанов Ц.* Хоца Намсараев. Основоположник бурят-монгольской литературы / Ц. Галсанов // Сибирские огни. — 1949. — № 4. — С. 145—148.
8. *Достижения* Бурят-Монгольской республики // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 213.
9. *Жеребцов Б.* Край, где будет Ангарстрой / Б. Жеребцов // Сибирские огни. — 1931а. — № 4. — С. 60—70.
10. *Жеребцов Б.* Край, где будет Ангарстрой [окончание] / Б. Жеребцов // Сибирские огни. — 1931б. — № 5. — С. 48—61.
11. *К-ва А.* Насильственное крещение бурят / А. К-ва // Сибирские огни. — 1927. — № 1. — С. 101—109.
12. *Коптелов Л.* Литература народов Сибири / Л. Коптелов // Сибирские огни. — 1947. — № 5. — С. 118—136.
13. *Солбонэ Т.* О бурят-монгольском эпосе и о шаманской поэзии / Т. Солбонэ // Сибирские огни. — 1923. — № 5—6. — С. 246—248.
14. *Романенко Д.* Бурят-монгольская советская литература / Д. Романенко // Сибирские огни. — 1954. — № 4. — С. 169—178.
15. *Титов Е.* Северная Даурия : путевые заметки / Е. Титов // Сибирские огни. — 1927. — № 1. — С. 183—197.
16. *Тороев А.* Ситалин-багор. Улигер / А. Тороев ; перевод И. Луговского // Сибирские огни. — 1948. — № 1. — С. 3—9.
17. *Тумунов Ж.* Бурят-Монголия. Молодой бурятке. Песнь гуртоправа. Памятник у реки Халхин-Гол. Песня о мем коне [стихи] / Ж. Тумунов ; перевод А. Ольхона // Сибирские огни. — 1948. — № 3. — С. 85—86.
18. *Хоца Намсараев* [некролог] // Сибирские огни. — 1959. — № 9. — С. 192.
19. *Шерхунаев Р.* Устное творчество бурят / Р. Шерхунаев // Сибирские огни. — 1961. — № 2. — С. 190—191.

Литература

1. *Амгаланова М. В.* Бурятская социалистическая культура в контексте идейно-политических установок конца 1920-х — начала 1930-х годов / М. В. Амгаланова // *Культура и искусство*. — 2018. — № 3. — С. 1—7. — DOI: 10.7256/2454-0625.2018.3.25510.
2. *Балдано М. Н.* Проект нацистроительства : сводный вариант эпоса «Гэсэр» / М. М. Балдано // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2014. — № 7. — С. 1—35.
3. *Боронова М. М.* Политика властных структур по отношению к православной и буддистской конфессиям в Бурятии (1943—1961 годы) / М. М. Боронова, Т. Г. Степанова // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. — 2012. — № 7. — С. 135—139.
4. *Дроботушенко Е. В.* Антирелигиозная политика советской власти в Забайкалье в 1950-х — начале 1960-х годов и религиозность забайкальских бурят / Е. В. Дроботушенко // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. — 2021. — Т. 31. — Выпуск 1. — С. 92—99. — DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99.
5. *Елаев А. А.* Республика Бурятия : 100 лет автономии и государственности : монография / А. А. Елаев. — Изд. 2, доп. и перераб. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2023. — 566 с. — ISBN 978-5-9793-1853-0.
6. *История Бурятии* : в 3 т. / отв. ред. В. Б. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. 3. — 464 с.
7. *Красильникова Е. И.* Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904—2016) / Е. И. Красильникова, С. С. Наумов // *Вестник Томского государственного университета. История*. — 2023. — № 82. — С. 81—88. — DOI: 10.17223/19988613/82/9_
8. *Ледовских А. Ю.* Сибирские «инородцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX — начало XX вв.) / А. Ю. Ледовских // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2009. — № 3 (25). — С. 347—351.
9. *Номогоева В. В.* Советизация национальных литератур в 1920—1930-е гг. (на примере Бурятии) / В. В. Номогоева // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2011а. — Выпуск 7. *История*. — С. 67—72.
10. *Номогоева В. В.* Бурятия в 1920—1930-е годы : опыт социально-культурной модернизации / В. В. Номогоева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. университета, 2011б. — 320 с. — ISBN 978-5-9793-0387-1.
11. *Матханова Н. П.* Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века : «инородцы» / Н. П. Матханова, Н. Н. Родигина // *Вестник НГУ. Серия : История, филология*. — 2022. — Т. 21. — № 8 : *История*. — С. 77—90. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90.
12. *Очерк истории бурятской советской литературы* / глав. ред. Л. Е. Элиасов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. — 274 с.
13. *Политика памяти в России* — региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефремовенко. — Москва : ИНИОН РАН, 2023. — 471 с. — ISBN 978-5-248-01053-0.
14. *Репина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // *Новое прошлое*. — 2016. — № 1. — С. 82—99.
15. *Родигина Н. Н.* Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — нач. XX в. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск : Изд. Новосибирского педагогического университета, 2006. — 343 с. — ISBN 5-85921-562-2.

16. Сенина Е. А. «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. А. Сенина. — Иркутск, 2005. — 326 с.

17. Сидорчук И. В. Политики памяти и конструирование повседневности: большевистский опыт 1920-х годов / И. В. Сидорчук // История повседневности. — 2020. — № 3. — С. 19—35.

18. Тишкина К. А. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) / К. А. Тишкина, Д. И. Петин // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — Т. 8. — № 2 (30). — С. 81—96. — DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.466>.

19. Трегубова Д. Д. «Языковое строительство» в Бурят-монгольской АССР в 1920—1930-е годы / Д. Д. Трегубова // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2017. — № 1—2. — С. 185—200.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

- Achievements of the Buryat-Mongolian Republic. (1927). *Siberian lights*, 5: P. 213. (In Russ.).
- Altan-Shagai. (1981a). The Buryat Heroic Tale. *Siberian lights*, 3: 31—45. (In Russ.).
- Altan-Shagai. (1981b). The Buryat Heroic Tale. *Siberian lights*, 4: 99—110. (In Russ.).
- Badiiev, A. A. (1983). In the fraternal family of the Soviet peoples. *Siberian lights*, 5: 3—19. (In Russ.).
- Belousov, A. (1960). New Buryat novel. *Siberian lights*, 1: 187—189. (In Russ.).
- Galsanov, Ts. (1949). Khotsa Namsaraev. The founder of Buryat-Mongolian literature. *Siberian lights*, 4: 145—148. (In Russ.).
- Khotsa Namsaraev [obituary]. (1959). *Siberian lights*, 9: P. 192. (In Russ.).
- Koptelov, L. (1947). Literature of the peoples of Siberia. *Siberian lights*, 5: 118—136. (In Russ.).
- K-va, A. (1927). Forced baptism of Buryats. *Siberian lights*, 1: 101—109. (In Russ.).
- Romanenko, D. (1954). Buryat-Mongolian Soviet literature. *Siberian lights*, 4: 169—178. (In Russ.).
- Sherkhunayev, R. (1961). Oral creativity of Buryats. *Siberian lights*, 2: 190—191. (In Russ.).
- Solbone, T. (1923). About the Buryat-Mongolian epic and shamanic poetry. *Siberian lights*, 5—6: 246—248. (In Russ.).
- Titov, E. (1927). Northern Dauria: travel notes. *Siberian lights*, 1: 183—197. (In Russ.).
- Toroev, A. (1948). Sitalin-bator. Uliger. *Siberian Lights*, 1: 3—9. (In Russ.).
- Tumunov, J. (1948). Buryat-Mongolia. A young Buryat woman. The song of the shepherd. *Siberian Lights*, 3: 85—86. (In Russ.).
- Vasiliev, V. (1931). The road to Olkhon. *Siberian lights*, 2—3: 59—74. (In Russ.).
- Voskoboynikov, M. (1964). “The Buryat satirical tale” [review]. *Siberian lights*, 2: 191—192. (In Russ.).
- Zherebtsov, B. (1931a). The region where Angarstroy will be. *Siberian lights*, 4: 60—70. (In Russ.).
- Zherebtsov, B. (1931b). The region where the Angarstroy will be [ending]. *Siberian lights*, 5: 48—61. (In Russ.).

References

- Amgalanova, M. V. (2018). Buryat socialist culture in the context of ideological and political attitudes of the late 1920s — early 1930s. *Culture and Art*, 3: 1—7. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.3.25510. (In Russ.).
- An essay on the history of Buryat Soviet literature*. (1959). Ulan-Ude: Buryat. Publishing house. 274 p. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2014). The nation-building project: a consolidated version of the epic “Gesar”. *Bulletin of the Buryat State University*, 7: 1—35. (In Russ.).
- Boronova, M. M., Stepanova, T. G. (2012). The policy of government structures in relation to the Orthodox and Buddhist confessions in Buryatia (1943—1961). *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, 7: 135—139. (In Russ.).
- Drobotushenko, E. V. (2021). The anti-religious policy of the Soviet government in Transbaikalia in the 1950s — early 1960s and the religiosity of the Trans-Baikal Buryats. *Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology*, 31 (1): 92—99. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99. (In Russ.).
- Elaev, A. A. (2023). *Republic of Buryatia: 100 years of autonomy and statehood: monograph*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University. 566 p. ISBN 978-5-9793-1853-0. (In Russ.).
- History of Buryatia: in 3 volumes*, 3. (2011). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. 464 p. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I., Naumov, S. S. (2023). The celebration of the tercentenary anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional policy of memory (1904—2016). *Bulletin of Tomsk State University. History*, 82: 81—88. DOI: 10.17223/19988613/82/9. (In Russ.).
- Ledovskikh, A. Yu. (2009). Siberian “foreigners” in historical journalism (the second half of the XIX — early XX centuries). *Problems of history, philology, culture*, 3 (25): 347—351. (In Russ.).
- Matkhanova, N. P., Rodigina, N. N. (2022). Representations of the rural population of the region in the reports of the Siberian governors-general of the second half of the XIX century: “foreigners”. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology*, 21 (8): History. 77—90. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90. (In Russ.).
- Nomogoeva, V. V. (2011a). Sovietization of national literatures in the 1920s—1930s. (on the example of Buryatia). *Bulletin of the Buryat State University*, 7: History. 67—72. (In Russ.).
- Nomogoeva, V. V. (2011b). *Buryatia in the 1920s—1930s: the experience of socio-cultural modernization*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State. University. 320 p. ISBN 978-5-9793-0387-1. (In Russ.).
- Repina, L. P. (2016). Events and images of the past in historical and cultural memory. *New past*, 1: 82—99. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. (2006). *Other Russia. The image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the nineteenth century. XX century*. Novosibirsk: Ed. Novosibirsk Pedagogical University. 343 p. ISBN 5-85921-562-2. (In Russ.).
- Senina, E. A. (2005). *The “foreign” question on the pages of the Siberian periodical press in the second half of the XIX — early XX century*. Doct. Diss. Irkutsk. 326 p. (In Russ.).
- Sidorchuk, I. V. (2020). Memory politics and the construction of everyday life: the Bolshevik experience of the 1920s. *History of everyday life*, 3: 19—35. (In Russ.).

- The politics of memory in Russia — a regional dimension: a monograph.* (2023). Moscow: INION RAS. 471 p. ISBN 978-5-248-01053-0. (In Russ.).
- Tishkina, K. A., Petin, D. I. (2023). Celebrating the 10th anniversary of the restoration of Soviet power in Siberia in 1929. (on the example of the Omsk district). *Journal of Frontier Studies*, 8 / 2 (30): 81—96. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.466>. (In Russ.).
- Tregubova, D. D. (2017). “Language construction” in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s—1930s. Man: Image and essence. *Humanitarian aspects*, 1—2: 185—200. (In Russ.).

*The article was submitted 12.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*